

Общеевропейское пространство высшего образования (Болонский процесс) в контексте языковой политики

Роландас Виталюс Идзелис

Аннотация. Одним из аспектов и целей реформы системы высшего образования, осуществляя Болонский процесс на национальном уровне, является усиление интернационализации. Тенденция, стимулирующая на уровне высших учебных заведений вести обучение на иностранных языках, следует из участия стран членов ЕС в Болонском процессе. Хотя в Болонской декларации вообще нет утверждения, настаивающего на необходимости использования только английского языка при решении проблем интернационализации, именно так Болонская декларация интерпретируется во многих странах.

Статья посвящена рассмотрению некоторых лингвистических проблем интернационализации системы высшего образования. В ней делается попытка ответить на вопрос, почему университеты не имеют четко обозначенной языковой политики. Опираясь на опыт интернационализации некоторых университетов (участников Болонского процесса), выявлен лингвистический аспект интернационализации, т.е. показаны усилия университетов совместить глобализацию и многоязычие, и адекватно реагировать на выявившиеся напряженности при планировании и проведении национальной государственной языковой политики в контексте языковой политики Совета Европы. Показана важность интерпретации содержания понятия общественной ответственности для анализа Болонского процесса с точки зрения государственной языковой политики. В статье также рассматривается проблема выбора языков обучения и показываются усилия СЕ, направленные на создание и внедрение общей политики языков обучения (*the languages of education*).

Ключевые слова: общееевропейское пространство высшего образования, Болонский процесс, интернационализация, языковая политика, языки обучения.

Введение

Формирование общеевропейского пространства высшего образования настоятельно требует радикальных реформ, направленных на укрепление тенденций сближения различных систем высшего образования стран участниц Болонского процесса. Одним из аспектов и целей реформы системы высшего образования, осуществляя Болонский процесс на национальном уровне, является усиление интернационализации. Тенденция, стимулирующая на уровне высших учебных заведений вести обучение на иностранных языках, следует из участия стран членов ЕС в Болонском процессе. Хотя в Болонской декларации вообще нет утверждения, настаивающего на необходимости использования английского языка при решении проблем интернационализации, именно так Болонская декларация интерпретируется во многих странах. На самом деле ни Болонская декларация, ни другие появившиеся позже и связанные с ней документы, вообще не поднимают языковые проблемы, решение которых остается или в ведении отдельных стран членов ЕС, или отдельных университетов или коллегий.

В то же время, в планах действий Европейской Комиссии на 2004-2006 г. университеты призывают представить и осуществить последовательную, ясную языковую политику, направленную на выявление роли высших учебных заведений в поддержке изучения языков и установления языкового плюрализма как

внутри страны, так и в более широкой среде. Согласно точке зрения Европейской Комиссии,

«в последнее время выявившаяся отчетливая тенденция в не англоязычных странах вести обучение на английском языке может иметь непредвиденные последствия на жизнеспособность национальных языков. Поэтому языковая политика университетов должна содержать четкие действия, направленные на поддержание национальных и/или региональных языков» (Communication, 2003).

Цель статьи – представить опыт интернационализации некоторых университетов (участников Болонского процесса), выявить лингвистические аспекты интернационализации и показать те напряженности, которые возникают, когда университеты пытаются совместить глобализацию и многоязычие при планировании и проведении национальной государственной языковой политики в контексте языковой политики Совета Европы. В статье также рассматривается проект СЕ, направленный на создание и внедрение общей «Компетенции» языков обучения (*the languages of education*).

Объект исследования – лингвистический аспект Болонского процесса.

Метод исследования – анализ дискурса интернационализации системы высшего образования.

Глобализация и вузы

Планы усиления международного сотрудничества европейских университетов, как правило, направлены на осуществление задач, сформулированных в стратегических планах высших учебных заведений: укрепиться в европейском пространстве высшего образования, улучшить качество образования и решать другие проблемы, связанные с интернационализацией высших учебных заведений. Двигатель стратегического плана любого университета и его цель – поддержать высокий уровень конкуренции в условиях глобализации. Каков же, вкратце, этот контекст глобализации?

Глобализация в большей степени оказала влияние на культуру и образование, чем на экономику и политику: новые средства информации и телекоммуникаций в корне изменили способ распространения глобальной культуры. Дистанционное и открытое обучение – двигатель глобализации – разрушает основу системы современного образования: школу, университет, академические дисциплины – и создает виртуальное, электронное сообщество, которое кто-то назвал «пространством диаспоры» – неограниченная, бесконечная территория, в которой индивиды могут освободиться от устоявшихся норм и создать гибридные идентитеты (Edwards, Usher, 2000). Нет ничего удивительного в том, что все больше распространяются разные формы гибридной культуры, особенно среди пользователей интернета. Образование приравнивается к служанке, которая обязана удовлетворять узкие интересы рынка. Изучение и знания меняет назидание (*schooling*), а воспитание – тренировка (*training*).

В последние несколько лет во многих странах Европы происходили существенные сдвиги в реформировании системы высшего образования; возникли вузы нового типа, менялись модели финансирования и управления высших учебных заведений, были внедрены новые механизмы аттестации и акредитации, велась реформа программ обучения, внедрялись новые технологии. Все же, кажется, что система высшего образования меняется не столь стремительно, как этого хотелось бы.

Рынок, который, между прочим, отождествляется с демократией, стал существенным элементом дискурса европейской системы высшего образования. Поддерживаемый Международным банком и фондом Сороса, этот элемент быстро распространился и укрепился в европейском дискурсе науки и высшего образования и дал повод для возникновения новых инициатив, стремящихся не регулировать высшего образования, создать performance-based систему финансирования, т. е. систему, которая оценивала бы деятельность университетов по конечным результатам труда, имеющим цену на рынке, увеличивала конкуренцию между вузами и рассматривала возможность приватизации. Эти новые тенденции оказывают очень большое влияние на финансирование вузовской науки. И это вполне понятно, поскольку одной из стратегических структурных целей реформы вузовской системы науки и образования совершенно обоснованно считается изменение принципов финансирования, создание новых схем финансирования и критериев распределения ресурсов.

Происходящие перемены в системе вузовской науки и образования изменили традиционную роль высших учебных заведений, а также и некоторые их ценности; это касается обязанности вуза гарантировать всем, независимо от социального положения, возможность получить высшее образование, а также возможности правительства надлежащим образом финансировать научно-исследовательскую работу и др. (Idzelis, 2006).

Общеевропейское пространство вузовской науки и образования

Новый сдвиг в развитии европейского пространства высшего образования и науки связан с двумя основными понятиями, определяющими стратегию перестройки – общественное благо и общественная ответственность или социальный контроль. На встречах министров стран Европы, ответственных за высшее образование в 2001 г. в Праге, в 2003 г. в Берлине, и в 2009 г. в Лёвене было вновь подтверждено, что высшее образование должно считаться общественным благом, который есть и всегда будет общественной ответственностью или социальным контролем. В самом деле, в настоящее время в дискурсе высшего образования понятие общественного блага встречается все реже, поскольку оно фактически сливаются с понятием общественной ответственности. Более того. Основой наследия европейских университетов является понятие общественной ответственности, которое включает в себя законы, правила, контроль и пр. В настоящее время, кажется, уже не спорят относительно того, что больше всего воздействует на контекст, в котором функционирует система высшего образования и науки. Одни факторы, действующие на систему высшего образования и науку, являются почти универсальными и оказывают влияние на другие аналогичные системы, другие – свойственны только европейскому контексту (Bergan, 2004; Idzelis, 2006).

Кроме сил или факторов, определяющих смену системы высшего образования в Европе, очень большое влияние на реформу науки и образования оказывает Болонский процесс. Для его анализа с точки зрения языковой политики ключевым является понятие общественной ответственности, поскольку содержание этого понятия и его толкование в большей степени обусловливает стратегию интернационализации высших учебных заведений (Weber and Bergan, 2005; Idzelis, 2006, 2010).

Результаты проведенного исследования. Анализ факторов, оказывающих влияние на высшее образование, и толкование содержания понятия общественной ответственности показывают, что глобализация и интернационализация являются направлениями, характеризующими быстро расширяющийся, национальные границы переступающий общий контекст, в котором заведения высшего образования и науки осуществляют свою деятельность. На концептуальном уровне нет очень четкого разграничения между интернационализацией и глобализацией. Тем не менее, глобализация чаще всего связывается с конкуренцией, а интернационализация – с сотрудничеством. Когда образование стало частью рыночной политики и, особенно, когда

появились разные типы высших учебных заведений, некоторые ученые заговорили о том, что высшее образование и наука принадлежат экономике, а не педагогике или сфере социальной политики. Обозначилась и развивается тенденция, претворяя в жизнь интернационализацию, больше опираться на экономику. Цель политики интернационализации, построенной на экономической основе – улучшить международную конкурентность научного и образовательного сектора высшего учебного заведения. Причем, вопросы качества обучения, финансирования, невмешательства государства (приватизация и либерализация) рассматриваются заново, с учетом реальных возможностей интернационализации высших учебных заведений стран членов ЕС, а также оценивая влияние иностранного университета, открытого в какой-либо стране ЕС. Высшие учебные заведения призывают создать и внедрить разные модели интернационализации, которые соответствовали бы специфике, возможностям и окружению университетов (например, более или менее централизован, более или менее конкурентный подход).

С точки зрения процессов интернационализации, для того, чтобы высшие учебные заведения могли проводить активную политику и быстро реагировать на вызовы глобализации, принцип автономии вузов, кроме всего прочего, требует, чтобы на национальном уровне политики образования продолжалось ослабление вмешательства регулирования со стороны государства (например, устанавливая количество студентов, принимаемых в университет, плату за учебу, а также формируя языковую политику). Вместе с тем, осознается также необходимость эффективного управления (*management*), поскольку в международном контексте руководство и управление университетом являются гораздо более сложным. Признается важность иностранных языков для практики формирования общеевропейского пространства высшего образования и науки. Усиливается осознание доминирующей роли английского языка, как важнейшего международного языка.

Анализ дискурса Болонского процесса показывает, что и правительства, и академическое сообщество разных стран членов ЕС воспринимают интернационализацию высших учебных заведений как необходимое дальнейшее направление развития высшего образования и науки. Причем, языковая политика и интернационализация зависит от автономии университетов и принципа невмешательства государства в политику образования. Именно здесь мы имеем запрограммированное напряжение. Так статья 43 Язык общения Закона Литовской республики о науке и образовании совершенно ясно регламентирует употребление языков в вузах:

«В государственных высших учебных заведениях языком общения является литовский язык. Другими языками можно обучать в следующих случаях: 1) когда содержание программ обучения связано с другим языком; 2) когда лекции читаются или другим академическим занятием руководят иностранные преподаватели; 3) когда обучение ведется по объединенным программам обучения или программам обучения, по окончанию которых

присваивается двойное квалификационное звание, также программы обучения, предназначенных для обучения иностранцев» (MSI, 2009).

Однако, например, статья 5.1.1. Положения об обучении в Вильнюсском университете гласит, что «все предметы программ обучения второй и третьей ступени обучения могут преподаваться и не на литовском языке» (с.12). «Не на литовском» практически означает «на английском языке». Совершенно естественно возникает вопрос: каким документом мы должны руководствоваться? Более того: сужая сферу употребления государственного языка не открываем ли мы дорогу процессам «шотландизации» Литвы? (McArthur, 2003). Вытеснит ли английский язык литовский из профессиональной и научной сферы, предпринимательства, издательства, науки и высшего образования? Насколько обоснованными являются упреки, что ЕС не имеет ясной языковой политики, а если все-таки имеет, действительно ли она лицемерна? (Caviedes, 2003; Idzelis, 2002). А может быть языковая политика СЕ, большинство документов которой

«с трудом поддаются смысловой дешифровке, поскольку они уже достаточно загадочно сформулированы на языке оригинала» (Митрофанов, 2003),

наряду с вызовами глобализации, затрудняет усилия университетов откликнуться на призыв, правда, несколько запоздалый,

«добиваться более последовательной политики обучения всех языков и взаимосвязи между родным, государственным и иностранным языками»? (UKMS, 2009, с.8)

Преобладание английского языка в дискурсе языковой политики

Когда мы говорим о языковой политике вообще, и, особенно, о политике обучения языкам в университетах, следует не упускать из виду того обстоятельства, что независимо от количества языков, употребляемых в стране, их статуса, распространения и влияния, языковая политика, равно как и языковое планирование, всегда существует, какой бы она ни была – открытой или скрытой. Другим важным моментом является то, что языковое планирование и особенно дискурс языкового планирования постоянно – в одних случаях в явной, но чаще всего в скрытой форме – должен выбирать включенность (*inclusion*) или изоляцию (маргинализацию; *exclusion*). Дело в том, что дискурс глобализации и многоязычия скрещивается и переплетается с очень важным дидактическим дискурсом английского языка, где жаркие споры ведутся по вопросу о противопоставлении обучение/тренировка – воспитание/образование. Языковая норма – принятая речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида – вновь оказывается в центре разгоревшихся дискуссий и, к сожалению, разного рода манипуляций (Idzelis, 2007). Хорошо известно, что защита языковой/речевой нормы является очень важным аспектом государственной языковой политики, поэтому весьма сомнительным представляется замечание 4.1.2. сделанное экспертами

СЕ при оценке «Компетенций политики обучения языкам» (2005, с.22):

«даже будучи полезным, контроль языка имеет свои пределы. Определив направление развития и использования языка – это в Литве уже сделано – для регулирования лингвистической системы и ее развития в среднем периоде больше решающего значения имеет эффективное употребление языка в разных сферах жизни (общения и информирования, образования и культуры, средств массовой коммуникации и науки, экономики и государственной службы), чем формальное и строгое соблюдение определенной нормы. Кроме того, отсутствие чувства лингвистической безопасности, которое создается или поддерживается постоянно напоминая носителям языка о «норме», может нанести вред процессам социальной включенности (*socialiné apréptis*) и интеграции.»

Так, манипулируя понятиями «социальной включенности» и «социальной изоляции», тенденциозно связывая их с категорией нормы, предпринимается попытка приравнять вопрос о статусе государственного (литовского) языка к дискуссии, например, о статусе многочисленных разновидностей английского языка (*world englishes*) и английского языка как языка международного общения (*lingua franca*), особенностей их функционирования (нормы) и целесообразного внедрения с точки зрения «изоляции» и «включенности» (Hamp-Lyons, Davies, 2008; Idzelis, 2006, 2007).

Тем не менее, реальность языковой политики в современном мире такова, что мир не может обойтись без английского языка, следовательно, доминирование английского языка является неизбежным фактом, учитывать который должна языковая политика и языковое планирование. Поэтому и в странах, в которых английский язык является иностранным, он все же преобладает в дискурсе языковой политики (Phillipson, 2002). Как остроумно заметил Р. Филиппсон, даже в ЕС, который в настоящее время имеет 27 официальных языков для выполнения государственных функций, «риторика равенства официальных языков является пустой, несерьезной», поскольку «для языков установлено первенство клюючего, ... а английский язык имеет самый острый клюв» (Phillipson, 2002, с.7).

В дискурсе языковой политики преобладание английского языка часто представляется как результат сознательного выбора, но такой подход фактически не позволяет ответить на вопрос, почему умалчиваются причины, определяющие данный выбор. Действительно ли английский язык выбирается свободно, существуют ли некоторые ограничения, которые делают выбор неизбежным? Проведенные многочисленные исследования показывают, что доминирование английского языка обусловили другие факторы, а не свободный выбор (Idzelis, 2006).

Положительный опыт интернационализации университетов некоторых стран Европы

Jyväskylä университет. Языковая политика этого университета основывается на общей стратегии университета и Законе университетов Финляндии. Она охватывает всю языковую деятельность университета: упот-

ребление языка, а также языковое воспитание. Такая языковая политика оценивает язык с функциональной точки зрения пользователя языка. Знать язык – значит уметь его употреблять в различных контекстах и сферах для разнообразных целей коммуникации, причем, совершенно безразлично, имеется ввиду ли родной или усвоенный, один или несколько иностранных (неродных) языков.

В университете осознается, что интернационализация, поддерживаемая в области науки и высшего образования политикой ЕС, и возрастающее ее воздействие, требует от высшей школы большего внимания к изучению языков и воспитанию коммуникативных компетенций. Университет считает своим долгом воспитывать студентов, способных в коммуникативном плане компетентно выполнять различные функции в обществе, и осознающих свою ответственность за то, как употребляется язык. С точки зрения коммуникации компетентные студенты способны должным образом употреблять финский язык в письменной и устной форме. Они также владеют языком своей профессии и сферы исследования, могут передавать информацию студентам других областей знания и отдельным лицам, не принадлежащим к академическому сообществу. Выполняя свои профессиональные обязанности, они могут компетентно письменно и устно употреблять, по крайней мере, один иностранный язык.

Языковая компетенция считается одной из важнейших компетенций лиц получивших высшее образование. Языковым воспитанием в университете, наряду с совершенствованием языка и коммуникативных навыков, хотят также показать, что язык является крайне важной и необходимой частью будущей деятельности студента в избранной им сфере. Поэтому исключительное внимание языковым делам считается важнейшей составной частью университетского образования. Поскольку язык является важнейшим средством передачи знаний, соблюдается положение, согласно которому все преподаватели университета являются также учителями языка. На лекциях и семинарах, а также принимая экзамены, оценивая, воспитывая каждый преподаватель должен обратить внимание на взаимосвязь между преподаваемым предметом и языковым выражением.

Несколько слов о языках обучения и научно-исследовательской работе. Университет стремится к тому, чтобы преподаватели, консультанты и наставники в совершенстве владели финским языком, и поощряет практику хорошего (нормативного) использования языка в педагогической и научной деятельности. Очень важное место уделяется всему комплексу педагогического воспитания в сфере науки и высшего образования, всестороннему развитию коммуникативных компетенций родного и иностранного языков. Исключительное внимание уделяется способу использования языка в текстах, предназначенных для студентов – в учебных пособиях, в программах обучения, в описании предмета, а также в текстах, созданных самими студентами – в курсовых и дипломных работах.

Условием языкового воспитания, оказываемого всем студентам, является то, что студенты, поступившие в

университет, должны/обязаны обладать хорошими навыками использования родного письменного языка, иметь хорошие основы шведского языка (второго государственного языка), и, по крайней мере, обладать навыками использования одного иностранного языка (Jyväskylä, 2004). Университеты Норвегии. Некоторые специалисты норвежского языка считают, что расширяющееся употребление английского языка в академической среде представляет угрозу для существования норвежского языка (Ljosland, 2007). Чаще всего отмечают следующие тревожные признаки: участившиеся использование английских слов в норвежской академической среде; бюрократический, технологический язык; выросшие показатели продажи научной литературы на английском языке и, соответственно, сократившиеся на норвежском; трудоустройство преподавателей, не владеющих норвежским, на кафедрах; рост программ второго цикла (магистра), где обучение ведется на английском языке, и, наконец, финансовое вознаграждение за публикации на английском языке. Второй пункт национального доклада Норвегии о внедрении принципов Болонского процесса гласит: «высшим учебным заведениям рекомендуется улучшить качество учебных курсов, предлагаемых на английском языке, в целях привлечения большего количества иностранных студентов в вузы Норвегии» (Bologna Process Summit Berlin, National Reports, 2003). В глаза бросается то, что вообще не упоминается какой-либо другой язык. Это свидетельствует о том, что, осуществляя цели, поставленные Болонским процессом, употребление английского языка считается единственной возможной альтернативой, несмотря на то, что в Болонской декларации вообще не упоминается о какой-либо конкретной языковой политике. И еще один момент, заслуживающий внимания: в соответствии с 2 пунктом Плана действий в Норвегии внедрена трехгодичная программа обучения бакалавра и двухгодичная программа обучения магистра. По сравнению с бывшей старой структурой студенты теряют один год учебы на первой ступени обучения (бакалавр). Но это еще не все: поскольку одной из ключевых целей Болонского процесса, как известно, является интернационализация, студентам рекомендуется принимать активное участие в программах обмена. Укороченное время обучения означает, что в программах обучения студентам отводится меньше времени (кредитов) для изучения иностранных языков. В конечном итоге, укороченное время обучения первого цикла плюс интенсивное участие в программах по обмену чаще всего приводит к тому, что языком обучения неизменно является английский язык. Академический сектор Норвегии, по мнению некоторых комментаторов, характеризуется отсутствием ясной языковой политики. Решения, связанные с языком, такие как выбор языка обучения, рекомендуемой литературы или научных публикаций чаще всего не осознаются как нечто, относящееся именно к выбору языка. В действительности выбор языка является побочным явлением других решений, таких как стоимость учебников и возможность их приобретения, необходимость обеспечить учебной литературой студентов, прибывших по обмену, или желание опубликовать статьи в престижных журналах.

Университет Осло, самый большой среди шести университетов Норвегии, в представленном проекте языковой политики заявляет, что «норвежский язык является основным языком в университете Осло ... Обязанностью и ответственностью университета является способствование развитию норвежского языка как языка обучения и науки. Университет со своей стороны сделает все возможное для того, чтобы норвежский язык укрепился в качестве национального языка в сфере высшего образования и науки. Но Комитет (подготовивший проект языковой политики) предложил «параллельный лингвизм» (*parallel-linguism*) – интересный термин – Р. В. И.) как важный принцип, поощряющий студентов и преподавателей стремиться достичь высокого уровня знания и владения иностранных языков, но, и это следует особенно подчеркнуть, сохраняя норвежский язык как основной язык». Совет Норвегии по высшему образованию также представил свои предложения по языковой политике в сфере высшего образования. В этом документе, помимо всего прочего, говорится, что в течение первых двух лет обучения язык обучения должен быть норвежский язык, а, начиная с третьего года обучения – английский. Что касается языка публикаций, Совет предлагает, чтобы во многих областях науки предпочтение было отдано английскому языку, а норвежский язык мог бы быть альтернативой английскому только в сферах исследования, непосредственно связанных с норвежским языком (OECD, 2005).

Лундский университет (Швеция). Политика интернационализации на 2008-2011 г. университета Лунд дает общую картину всех работ, проводимых в университете, в русле интернационализации: ценностную ориентацию, цели и стратегию. Конечной целью интернационализации университета Лунд является усиление научно-исследовательской работы, улучшение качества обучения, повышение конкурентоспособности университета внутри страны и в международном масштабе. В документе подчеркивается, что успех интернационализации зависит от способности выучить иностранные языки, особенно английский, надлежащим, т. е. коммуникативных компетенций соответствующим образом, идается заверение в том, что ясная языковая политика будет применяться к читаемым курсам, ведению документации и упорядочиваемой терминологией, а также к установлению статуса шведского языка; преподаватели, читающие курсы студентам разных культур, должны будут обладать надлежащим уровнем компетенций английского языка (Lund, 2007).

Нидерланды. С точки зрения усвоения коммуникативных навыков английского языка, международные эксперты считают, что голландские университеты наиболее продвинуты в Болонском процессе. В университетах осознают, что хорошее владение английским языком дает стратегическое преимущество в глобальном масштабе. Программы магистра в большинстве нидерландских университетов выполняются на английском языке. Примечательно еще и то, что эксперты рекомендовали увеличить число программ бакалавра, читаемых на английском языке (Marginson et al., 2007).

Выбор языков обучения

Итак, что же обуславливает выбор языков в университетах, какие вопросы языковой политики чаще всего поднимаются? Их условно можно сгруппировать по сферам деятельности в университетах: язык(и) обучения; язык учебных пособий и материалов; язык пользования библиотечными фондами; одинаковые для всех возможности публиковать свои научные труды в журналах и право участия в конференциях; язык научных публикаций. Анализ дискурса языковой политики свидетельствует о том, что количество национальных языков, которые имеют статус государственных языков, и на которых в СЕ приобретается университетское образование, весьма ограниченное; кроме того, если курсы ведутся не на национальном государственном языке, то языком обучения чаще всего бывает английский язык.

В контексте обсуждаемых вопросов, значительным событием с точки зрения языковой политики следует считать начатый Советом Европы интересный и весьма амбициозный проект, цель которого – оказать помощь странам участникам СЕ расширить сферу употребления языков. Иными словами, ставится цель создать общий документ, так называемый «Компетенции», который помог бы сформировать общую политику языков обучения и практику их внедрения в жизнь, т. е. который охватил бы и рассматривал важнейшие вопросы языков обучения, включая и проблемы языка, как предмета изучения, и употребление иностранных языков для преподавания других учебных предметов, например, географию, историю, математику и др. Иными словами, речь идет об интегрированном преподавании учебных предметов и иностранных языков. Кроме того, когда для этого наступит подходящее время, планируется в общий проект языков обучения («Компетенции») интегрировать другие языки, которые присутствуют в пространстве образования, и таким образом материализовать ту работу, которую ведет Отдел языковой политики СЕ (Fleming, 2007, 2009).

Спектр рассматриваемых в этом проекте проблем весьма широк. Например, язык как предмет изучения имеет множество целей и разнообразное содержание, и его использование для преподавания других предметов учебной программы создает дополнительные трудности. Между прочим, решение поставленных в проекте задач осложняет еще и напряжение между противоречивыми стремлениями: искать общее решение проблем, в то же время признавая важность и ценность местных контекстов; рассматривать теоретические вопросы языковой политики и не упускать из виду необходимость оказания влияния на практику, т. е. на обучение; признать, что желательно создать такой документ (Компетенции), который бы служил постоянной точкой отсчета и вместе с тем не ограничивал постоянно возникающей потребности усовершенствования и обновления; стремиться достигнуть самые высокие стандарты качества, в то же время, считаясь с приоритетным делом поддерживать студентов, имеющих немощь.

Выводы

Одним из аспектов реформы системы высшего образования, претворяя в жизнь Болонский процесс на национальном уровне, считается развитие и укрепление интернационализации. Она осознается правительствами и академическим сообществом как дальнейшее необходимое направление развития общеевропейского пространства науки и образования.

Для анализа Болонского процесса с точки зрения языковой политики очень важно является понятие общественной ответственности, поскольку истолкование ее содержания в значительной мере обуславливает стратегию интернационализации университетов. Выявилась и продолжает развиваться тенденция, осуществляя интернационализацию, больше опираться на экономику. Языковая политика и интернационализация связаны с автономией университета и со степенью вмешательства государства в систему образования.

Хотя в Болонской декларации вообще нет утверждения, настаивающего на необходимости использования английского языка при решении проблем интернационализации, именно так Болонская декларация интерпретируется во многих странах. В действительности ни Болонская декларация, ни другие появившиеся позже и связанные с ней документы, вообще не поднимают языковые проблемы, решение которых остается или в ведении отдельных стран членов ЕС, или отдельных университетов или коллегий.

Откликаясь на призыв Европейской Комиссии сформулировать и претворить в жизнь последовательную, ясную языковую политику университеты прилагают много усилий стремясь согласовать глобализацию (интернационализацию) и многоязычие и адекватно реагировать на выявившиеся напряженности при планировании и проведении национальной государственной языковой политики в контексте языковой политики Совета Европы, призывающей осуществить последовательную политику обучения языков и установить четкую взаимосвязь между родным, государственным и иностранными языками. Невзирая на прилагаемые усилия, увеличивается число программ с обязательным использованием английского языка.

Не все университеты имеют четко обозначенную языковую политику, устанавливающую взаимосвязь между государственным, родным и иностранными языками.

Усилиями СЕ создается документ (Компетенции), в котором будет сформулирована общая политика языков обучения. Успешное ее претворение в жизнь пополнит средства языковой политики СЕ еще одним рычагом, способствующим сближению различных систем образования Европы.

Вполне вероятно, что развитие Болонского процесса создаст общеевропейское пространство высшего образования, однако сам процесс и его создаваемое пространство должны быть тщательно оценены, учитывая внутренние и внешние последствия сотрудничества (интернационализация) и конкуренции (глобализация).

Литература

1. Bergan, S. ed., 2004. *The University as res publica*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
2. Caviedes, A., 2003. The Role of Language in Nation-Building within the European Union. *Dialectical Anthropology*, 27, pp.249-268.
3. Communication, 2003 – *Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Promoting Language Learning and Linguistic Diversity: An Action Plan 2004-2006*. Brussels, 2003.
4. Edwards, R., Usher, R., 2000. *Globalisation and Pedagogy: Space, Place and Identity*. London, New York: Routledge.
5. Fleming, M., 2007. *Languages of Schooling within a European Framework for Languages of Education: Learning, Teaching*. Follow-up Intergovernmental Conference. Prague, 8-10 November.
6. Fleming, M., 2009. *Languages of Schooling and the Right to Plurilingual and Intercultural Education*. Intergovernmental Conference. Strasbourg, 8-10 June.
7. Hamp-Lyons, L., Davies, A., 2008. The Englishes of English Tests: Bias Revisited. *World Englishes*, 27(1), pp.26-39.
8. Idzelis, R. V., 2002. Globalizmas ir Europos kalbų įvairovė: kultūros bei švietimo dimensija. *Kalbų vaidmuo Europos integracijos procese*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, pp.5-30.
9. Idzelis, R.V., 2006. *Kalbos ir visuomenės sąsajų socialiniai aspektai*. Mokomoji priemonė. Vilnius.
Prieiga per internetą: <<http://www.nsc.vu.lt>>.
10. Idzelis, R. V., 2007. Kalbinės žmogaus teisės („Linguistic human rights“) kalbos planavimo ir poltikos diskurse. *Kalbų mokymas ir mokymasis daugiakultūrėje ir daugiakalbėje Europoje*. Mokslinių straipsnių rinkinys, sud. L. Chodzkiene. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, pp.74-86.
11. Jyväskylä, 2004 – *Jyväskyla University Language Policy*. Prieiga per internetą: <<http://www.jyy.fi/hallinto/strategia/politikat/YY-language policy>> [Žiūrėta 2010 m. sausio mėn.].
12. Ljosland, R., 2007. English in Norwegian Academia: a Step Towards Diglossia. *World Englishes*, 26(4), pp.395-410.
13. Lund, 2007 – *Lund University Internationalisation Policy 2008-2011*. Decision Reg. No. RA 2007/357, 17 December. Prieiga per internetą: <<http://www.lu.se>> [Žiūrėta 2010 m. sausio mėn.].
14. Marginson et al., 2007 – Marginson, S., Weko, T., Channon, N., Luukonen, T., Oberg, J. *Thematic Review of Tertiary Education: The Netherlands*. Paris: OECD.
15. McArthur, T., 2003. World English, Euro-English, Nordic English? *English Today* 73, 19(1), pp.54-58.
16. MSJ, 2009 – *Lietuvos Respublikos Mokslo ir studijų įstatymas* 2009 m. balandžio 30 d., Nr. XI-242, Vilnius.
17. *OECD Thematic Review of Tertiary Education: Country Background Report for Norway*, 2005: The Norwegian Ministry of Education and Research. Paris.
18. Phillipson, 2002. *English-Only Europe? Challenging Language Policies*. London: Routledge.
19. UKMS, 2009 – *Užsienio kalbų mokymo strategija: bendrosios nuostatos*. Vilnius.
Prieiga per internetą: <<http://www.smm.lt>> [Žiūrėta 2010 m. sausio mėn.].
20. Weber, L. and Bergan, S. eds., 2005. *The Public Responsibility for Higher Education and Research*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
21. Митрофанов, С., 2003 Плюсы и минусы Болонского процесса. *Русский Журнал*, 7.04.03.

Rolandas Vitalius Idzelis

Europos bendroji aukštojo mokslo erdvė (Bolonijos procesas) kalbų politikos kontekste

Santrauka

Vienu iš aukštojo mokslo sistemos reformos aspektų ir tikslų, įgyvendinant Bolonijos procesą nacionaliniame lygmenyje, laikomas tarptautiškumo stiprinimas. Tendencija, skatinanti universitetų lygmenyje studijuoti tarptautinėmis kalbomis, taip pat išplaukia iš Europos Sąjungos šalių narių dalyvavimo Bolonijos procese. Nors Bolonijos deklaracijoje apskritai nėra teiginio, kad būtina, norint įgyvendinti tarptautiškumą, mokyti anglų kalba, būtent taip Bolonijos deklaracija interpretuoja daugelyje šalių. Iš tiesų, nei Bolonijos deklaracija, nei kiti su ja susiję vėlesni dokumentai apskritai nekelia *kalbinių tarptautinimo* dalykų, kurių sprendimas praktiškai paliekamas arba atskiroms šalims narems, arba paskiram universitetui ar kolegijai.

Straipsnis skirtas lingvistinių bendros europinės švietimo ir aukštojo mokslo erdvės kūrimo internacionalizacijos problemų analizei įgyvendinant Bolonijos procesą nacionaliniu lygiu. Jame apžvelgiama kai kurių universitetų (Bolonijos proceso dalyvių) internacionalizacijos patirtis, išryškinami lingvistinių tarptautinimo aspektai, t. y. parodomos universitetų pastangos, kurių reikia globalizacijai ir daugiakalbystei suderinti bei adekvacių reaguoti į išryškėjusių įtampų formuojančių ir vykdant valstybinės kalbos politiką kalbų mokymasi ir kalbų įvairovę skatinančios Europos Tarybos kalbų politikos kontekste. Parodoma socialinės atsakomybės sąvokos svarba, analizuojant Bolonijos procesą kalbos politikos požiūriu. Taip pat parodomos ET pastangos sukurti ir įgyvendinti bendrą dėstomųjų kalbų (*the languages of education*) aprašą.

Straipsnis įteiktas 2010 05
Parengtas spaudai 2010 11

Apie autorium

Rolandas Vitalius Idzelis, humanitarinių moksłų habilituotas daktaras, Vilniaus universiteto Užsienio kalbų institutas.

Mokslinės veiklos sritys: bendroji ir taikomoji kalbotyra; lingvistinė semiotika; sociolingvistika; tarptautinių kalbų funkcionalavimo ypatumai; užsienio kalbų dėstytojo metodika.

Adresas: Vilniaus universitetas, Užsienio kalbų institutas, Universiteto g. 5, 01513 Vilnius.

El. paštas: rolandas-vitalius.idzelis@uki.vu.lt

